

Сяо Цимо давно хотел это сделать.

Я давно об этом думал.

Он изо всех сил старался сдерживать себя, но все равно не мог удержаться от желания что-то доказать.

Доказать, что ты значишь для нее, доказать свой вес в ее сердце.

Спокойствие и грациозность - это для других, сильные и властные черты в его костях лишь на время убраны, но никогда не исчезнут.

Это был всего лишь быстрый поцелуй, он целовал не сильно, сдерживаясь от раздражительности, и с долей соблазна.

Через несколько секунд он медленно оторвался от ее губ.

"Лу Мянью, посмотри на меня". Он пристально смотрел на нее.

Лу Мянью был поражен и слегка приподнял голову.

Он закрыл глаза, чтобы наблюдать за ней. Он наблюдал за ее невинными и пустыми глазами, за ее попытками скрыть панику, за ее пунцовыми губами, за ее молчанием.

Мужчина нежно прижался к ее губам, она не сопротивлялась, она была очень хороша.

Он снял очки и, закрыв их, положил в карман ветровки. Сделав это, он медленно снял галстук.

Лу Мянью могла видеть два следа, выдавленных на переносице, и легкое покраснение на одной стороне щеки, это был ее шедевр.

Она очень медленно подняла руку, кончики ее пальцев немного скользнули по переносице.

Наконец, он коснулся его контура.

Она увидела его адамово яблоко.

"Расстроена?" Голос мужчины стал темнее.

Лу Мянью промолчала, но тихо кивнула. Она не хотела этого, но конфисковала его.

Такое красивое лицо завтра будет опухшим.

Сяо Цимо было все равно, он только знал, что она ответила, что очень его ободрило.

Он не очень хороший человек и не может сидеть сложа руки. Он тоже протянул руку, чтобы погладить ее щеку, с легкой дрожью в животе тонкого кокона, очень бережно держа ее лицо.

Тонкие губы слегка приоткрылись, его ладони сжали ее затылок, дыхание приблизилось, и последовал второй поцелуй.

Его ладонь также обхватила ее талию.

Она забыла о сопротивлении, слегка приподняла голову и терпела.

Лу Мянью не знала, сколько времени прошло, прежде чем он вновь обрел свободу дыхания. Она медленно отвела взгляд, и отчетливо почувствовала, что ее сердцебиение стало таким быстрым, что она почти не могла его выдержать.

Паники как не бывало!

Пассивности как не бывало!

Сяо Цимо медленно отступил назад и, наконец, отпустил ее.

"Маленький ублюдок..." Голос Сяо Цимо слегка дрожал: "Проснешься завтра, забудешь ли ты сегодняшнюю ночь?".

Вероятно, для этого была причина. Он знал, что она выпила, знал, что она будет помнить выборочно, и знал, что она не будет помнить некоторые вещи, вот и все.

Он схитрил, но все же ожидал, что она что-то вспомнит.

Девушка замолчала, махнула рукой, поблагодарила, поспешно открыла дверь и ушла.

Сяо Цимо воочию увидел, как она закрыла противопожарную дверь, коснулся уголка губ, и улыбка вырвалась из его горла.

Ее вкус был в 10 000 раз лучше, чем он думал.

Это своего рода магия, однажды попробовав которую, ты уже никогда не сможешь ее забыть.

Он резко отвел взгляд, открыл дверь, пошел домой и принял холодный душ.

Через полчаса он наконец вышел на мороз.

Телефон на журнальном столике звонил и звонил снова. Отвечая на звонок, он взял полотенце, вытирая капающие волосы, и нажал на публичный выпуск.

"Ци Мо."

раздался нежный женский голос.

Мужчина не изменился в лице и успокоился: "Мама".

Мать Сяо сказала низким голосом: "Сынок, когда ты вернешься?".

Опять эта проблема.

Мужчина положил свои длинные ноги на журнальный столик, его волосы были наполовину сухими. Он сложил полотенце и положил его на сервант.

"Китайский Новый год, возвращайся на китайский Новый год".

"Ты один?" Голос матушки Сяо был не сказать, чтобы нежным.

Сяо Цимо покрутил переносицей: "...а если один?".

"..."

На мгновение в телефоне повисло молчание.

Пока с другой стороны не раздался смешок, и фраза "тогда не возвращайся" прорвалась сквозь телефонную трубку, почти пронзив барабанную перепонку.

У Сяо Цимо были основания полагать, что мать хочет его оглушить. К счастью, он долго готовился и был открыт.

Изначально нежный женский голос развернулся на сто восемьдесят градусов.

Мать Сяо прямо ругалась: "Я не знаю, чем ты занят весь день, и не проявляю инициативы, чтобы позвонить домой. Я всегда спрашиваю тебя об этих нескольких словах, когда звоню тебе. Сяо Цимо, я родился не для того, чтобы ты **** меня. Если ты действительно сынок, приведи мне невестку. Когда ты выйдешь замуж..."

Видя, что мать-мать снова собирается быть бесконечной, Сяо Цимо прижал ее опухшие виски и не дал ей продолжить.

"Что ж, этот год не должен быть одиноким".

"..."

На той стороне снова наступило долгое молчание.

Сяо Цимо подумал про себя, что на этот раз все должно пройти ненадолго.

Но вскоре с другой стороны послышалось хихиканье.

От низкого до высокого, наконец, он превратился в беспринципный смех.

"Старина Сяо, подойди и послушай!"

Раздались шаги по телефону, и в трубке послышались безжалостные насмешки матери Сяо.

"Твой сын не занимался бизнесом на улице, а теперь научился лгать. Хех!"

Сяо Цимо: "..."

"Разве интересно врать мне? Я твоя мать, и я не знаю, сколько у тебя кошек! Это действительно интересно, сердись! Повесь трубку!"

Последовал мужской голос с противоположной стороны: "Ци Мо, на этот раз ты действительно переборщил. Ты знаешь, чего больше всего ждет твоя мать..."

"..."

Сяо Цимо хотел что-то объяснить, но старик напротив решительно положил трубку.

Он поднял голову и посмотрел на соседнюю комнату: Не веришь ему?

В этом году он только заберет одну.

Если ты не можешь взять его обратно, тогда... обмани его!

После того, как Бай Фанфэй покинул сцену, все люди были ослеплены.

Очевидно, Го Цзыхао и Юань Хао сказали, что Лу Мянью не выносит пить вино, и они также очень следили за тем, чтобы Лу Мянью не пила. Она двигала руками и ногами в своем напитке, но то, что она получила, не было тем сюжетом, который она себе представляла.

Спотыкаясь, она вернулась к дому Бай, трясущимися руками позвала Шэн Цзыцин.

"Сестра Шэн... я позвала тебя. Они не хотят показывать свои ноги...". Больше всего ее сейчас беспокоит вот что. Если Лу Мянью узнает, что она нашла бандита, ей придет конец.

У Шэн Цзыцин сейчас болит голова. Услышав ее слова, уголки ее рта холодно скривились: "Студент Бай Фанфэй, я не помню, что давала тебе номер телефона".

"Сестра Шэн..."

Прежде чем она успела что-то сказать, звонок резко прервался.

Бай Фанфэй был совершенно ошарашен: он так ждал, когда последует за Шэн Цзыцин, а теперь жалеет об этом.

Их семье Бай действительно пришел конец.

Шэн Цзыцин заблокировала звонок Бай Фанфэя и усмехнулась.

Эта девушка действительно невежественна в мире, поэтому я пришла к ней в это время, чтобы привести ее в группу?

Невежество.

Неужели ты думаешь, что их люди из Цзиньцина могут так легко взобраться на вершину?

Жаль, что она не ест этот набор.

Она глубоко вздохнула, затянулась сигаретой, которую держала в руке, а затем позвонила.

<http://tl.rulate.ru/book/75253/2530358>